

«...Чего я не кожанный!»

Наш коллега Александр Тарасов, отдавший районной газете более 40 лет своей жизни, – дитя войны. О чем вспоминать не любил, но писал об этом проникновенно и очень правдиво. Ему – слово.

Дети войны... Плохая им досталась доля. К таковым отношусь и я.

Мне было около двух лет, когда началась Великая Отечественная. Наша семья железнодорожника жила в пристанционной деревне Маслово, это около десяти километров от города Курска, у реки Сеймь.

Скоро мы оказались в оккупации. Отец-путеец, бывший участник Финской войны (был пулемётчиком), оказался за пределами территории, занятой немцами, куда он выехал со своей бригадой на ремонтные работы. А я, брат и сестра постарше бедовали с матерью.

Через широченную улицу нашей деревни пролегал тракт. По нему почти беспрерывно проходили колонны машин, военной техники – сначала немецкой, потом советской.

В нашем доме, разделённом на две семьи, стояли оккупанты.

Мне негде было спать, кроме как на старом сундуке. Поджав ноги, чтобы уместиться, я коротал на нём ночи. А утром, в сумраке, видел, как поднимаются с пола не улыбочивые, молчаливые фигуры в шинелях. Мне потом объяснили, что это были не немцы, а румыны. Или мадьяры, как их называли.

Я, малыш, всё же чувствовал: это враги. От них исходило что-то сумрачное, тягостное, до страха чужое.

«Разоблачители»

Чтобы понять, что такое оккупация, её нужно испытать самому. Это не просто голод, холод и другие лишения. Это боль в душе на всю жизнь.

Я, как никто другой, понял моего брата Виталия, когда после войны его, учащегося ФЗО в г. Сталинске (ныне

Новокузнецк), на собрании «разбирали» за какую-то мальчишескую шалость, а один преподаватель вдруг произнёс, указывая пальцем на брата (будто пистолет навёл!):

– А вы знаете, товарищи, что он находился в оккупации? Надо в нём глубже покопаться!

Виталик после собрания об этом рассказывал со слезами на глазах.

«Разоблачитель» не знал, что моего брата (ему было около девяти лет, когда началась война) едва не застрелил вражеский солдат. Когда наша сердобольная мама послала брата незаметно передать кусок хлеба (может, последний) одному из пленных красноармейцев, рывших траншею на улице около нашего дома и падавших на землю от изнеможения и голода.

Фашист заметил брата, сунувшего хлеб пленному, кинулся к красноармейцу, выбил у него из рук кусок. Затем схватился за винтовку, ударом приклада по голове сбил пленного с ног и стал стрелять вслед моему брату, задавшему стрелкача. Братишка был не из робкого десятка, только это и спасло его. А конвоир все пытался найти мальчишку за соседскими сараями, куда он нырнул.

Это видела мама, у которой в тот момент сердце обмирало. Как и тогда, когда перед приходом немцев бомбили нашу станцию. Мама, схватив меня на руки, побежала прятаться вместе с односельчанами под кручу у реки. И уже там, наверху, выронила меня из рук, и я покатился вниз!.. А круча-то высокая! Грохот разрывов бомб, казалось, совсем рядом...

Может, «разоблачитель» брата думал, что оккупанты нас ласкали и холили... А мы при них, голодая, съели старую, в дырках, шубу, валяющуюся на чердаке. А потом и солдатский ремень отца, пропитанный его потом...

Не знал «разоблачитель», как мы жалели, что не увидели нашего двоюродного братишку Лёню-танкиста. После освобождения нашей деревни от оккупантов он

проезжал по её улице-тракту на своём танке. Остановился около бывшего родного дома, бегом заглянул в него. Никого не нашёл, нашей семьи не оказалось дома.

Лёня, которого мы любили, успел только передать через соседей привет. А вскоре его родители, дядя Алёша и тётя Нюра, прислали письмо с известием о гибели Лёника. В письме – крохотная фотокартонка: Лёня, в гимнастёрке с погонями, с ёжиком густых волос, смотрит на нас как будто из вечности – и ласково, и грустно.

Мой Теркин

А вот дяде Стёпе – мужу сестры моей матери, посчастливилось вернуться с фронта. Ещё до окончания войны. Но без правой ноги. Ему её по колено оторвало снарядом. Ходил на деревяшке.

Я бегал к дяде Степану и тётке Фросе в соседнюю деревню Примицыно. Детей у них, уже немолодых, не было. Они частенько оставляли меня ночевать. Запомнились просыпанные коржики, которыми угощала меня тётя. Полакомившись ими, я залезал на тёплую печь (у нас такой не было) и сладко засыпал.

Тётя и дядя привязались ко мне, а я – к ним. Мне было жалко их, одиноких. Сразу после войны наша семья по «вербовке» поехала в Кузбасс. Тётя и её муж просили моих родителей оставить меня у них. Родители, понятно, не согласились. Да и я разве мог остаться?..

Из родных курских мест, по которым прошёлся вражеский сапог, мы уехали навсегда. Но они по сей день хранятся в моём сердце как щемлящая, жгучая боль и как неизбывная радость.

Часто, не только в День Победы, вспоминаю, как в нашем доме после оккупантов появились советские солдаты. С ними в доме вдруг стало светло, прям как, какое-то небесное сияние.

В памяти прокручивается, как кадры из кино: в кругу красноармейцев один боец рассказывает то ли сказку, то ли побасенку какую:

– ... А он сидит в яме и причитает: «Господи, Боже мой, чего я не кожанный!».

Среди солдат раздаётся дружный хохот.

Доброе, улыбочивое русское лицо этого рассказчика мне врезалось в память. Я по-детски влюбился в него, как в родного.

Как же я был поражён, когда в послевоенное время увидел в книжном магазине города Сталинска иллюстрацию «Василий Тёркин на привале»!

С неё на меня смотрел... тот самый солдат-балагур, что заходил к нам в дом в войну.

Я выпросил у матери денег – и бегом в магазин, купил ту картину. Она долго висела у нас на стене. Сперва в бараке, потом в тесной однокомнатной квартирке на треть-

ем этаже... Когда картина совсем поблекла и выгорела, мать её куда-то подевала. Не найдя её на стене, я сильно расстроился...

Воображение внушило мне, что на картине был тот самый солдат из далёкого военного детства. Сколько их было таких, похожих на бравого Василия Тёркина. Говорят, собирательный образ... И всё же для меня (и разве только для меня?) – это плоть и кровь дорогого человека. Одного из тех, кто освободил мой родной дом, меня и ещё полмира людей, принёс им свободу и жизнь.

Если бы он мне встретился ещё раз... Ведь для меня так и осталось загадкой, какую же «потешку» рассказывал тогда солдат в нашем доме. Теперь уж вряд ли узнаешь...